

Отечественное фермерство: сигналы новизны¹

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник, Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru, Москва

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления разного рода обстоятельств, связанных с объективным фактом смены сельских (в частности, фермерских) поколений новой России. Фермерство рассматривается в двойной лингвистической проекции — как общая дефиниция и как именование аграрных хозяйственных практик, взятых в их исторической эволюции. Проводится анализ специфической формы законодательного закрепления понятия фермерства, прямо указывающей на его транзитивную социально-культурную миссию. Предлагается аналитическая оценка потенциала поколенческого рассмотрения феномена фермерства. Набрасываются основные контуры нового фермерского мира, то есть способов присутствия на земле очередного поколения сельских хозяев. Обосновывается вывод, что нынешний фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал уже прошедших первоначальную апробацию перемен, который в состоянии сконструировать арсенал различных, в том числе и весьма перспективных, детерминированных будущим, деятельностных моделей, форм и привычек.

Ключевые слова: фермерство, поколенческая проекция, поколение, крестьянское (фермерское) хозяйство, фермер, сельский мир, сельские территории, повседневные жизненные практики

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-131-145

По своей человеческой природе нынешний фермер — это умелый крестьянский сын, поднаторевший в перипетиях рынка, набравшийся технологических и бизнес-знаний. Как и крестьянин, фермер остается человеком земли, живущим на земле и землей.

«Своя земля и в горсти мила». Так говорит крестьянский народ, примериваясь к ключевым параметрам полноты житейского существования. Существования не только органического — когда человек себя кормит, одевает, обогревает и берегает как работающее тело. «Своя

---

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

земля» — это и деревня, ее окрестные, вдоль и поперек изведенные «у-годья» — всё годное, полезное и желанное. В поговорку вошел экзистенциальный крестьянский вздох: «Всех угодьев не соберешь: вода близко, ин лес далёко». Феномен «своей земли» удерживает на себе сельский мир — особенное жизненное настроение, тихую мелодию бытия. «Земля» в дискурсе житейской пронизательности ухватывается и символической горсточкой, и разворачивается в ее широте и разноликости. Она и Отечество, и родимая сторонка, и мать-кормилица, и место последнего покоя. Деревенские люди с теплотой относят землю к подлинным жизненным ценностям. И в особенности — землю продуктивную, за несколько весенне-летних недель извлекающую из почвенного подземелья горы натурального вещества, способного напитать и людей, и животных. Говорит доколхозная крестьянка: *«За землю сильно переживали. Особенно если нарезали в “степи”, за Грязным лесом. Степь — самая хорошая земля во всей округе. Без дождя родила хлеб. Когда в степи нарезали, по всей деревне разговор. Мечтали: “Хоть бы осьминничек достался...” Степь-то не всем доставалась! Жеребий трясли. Палочки в шапку покидают, и вынают по очереди... А кто вынет жеребий, на котором степь, сразу: “Ой, живем! Ой, живем! С хлебом мы таперя...”»* (Виноградский, 2012: 76).

Вот уж поистине — «чья земля, того и хлеб». Вот оно, натуральное крестьянское чувство! А что нынешнее фермерство? Сегодня на смену бывалым фермерам «призыва 1990-х» приходят новые люди, уже «крестьянские внуки». Кто они? Далеко ли ушли от крестьянского бытийного настроения? Что нового принесли в нынешний сельский мир? Начнем с дефиниций.

Фермерство: вариации исходного определения

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН в связи с начавшимся Десятилетием (2019–2028 гг.) семейных фермерских хозяйств дает такое определение: «Семейное фермерское хозяйство охватывает все виды ведения сельского хозяйства силами семьи. Оно является неотъемлемой частью развития сельских районов. Семейное фермерское хозяйство — это земледельческое, лесное, рыболовное, пастбищное производство и производство аквакультуры, которое ведет и которым распоряжается семья и которое преимущественно полагается на семейный труд — как мужчин, так и женщин. Семейное фермерское хозяйство также играет важную социально-экономическую, экологическую и культурную роль»².

Здесь учтены свойства и функции фермерства, сложившиеся в мире к началу XXI века. Наша страна не исключение. Прототипиче-

2. FAO and IFAD. 2019. *Начало десятилетия семейных фермерских хозяйств Организации Объединенных Наций, 2019–2028 гг.* Рим. URL: <http://www.fao.org/family-farming-decade/about/ru/> (дата обращения: 24.07.2021).

ские формы фермерства укоренены в хозяйственно-экономических акциях традиционного крестьянского двора. Его многовековая история претерпевает нынче новые, еще неясные по последствиям трансформации. Обновляется и языковой инструментарий: на смену крестьянскому «двору» все чаще приходят «подворье», «усадыба», «поместье». Принятие в 1990 году Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»³ привело к взлету частотности словоформы «фермер», «фермерство», и это зафиксировал Национальный корпус русского языка.

В европейских языках понятие «фермерство» имеет лаконичное, не прибегающее к детализации, определение. Фермерство — это и *farming* (англ.), и *die Landwirtschaft* (нем.), и *agriculture* (франц.), и *contadini* (итал.), и *labranza* (исп.)⁴. В современном русском языке содержание этого понятия выражается описательными лингвистическими конструкциями. Так, «фермерство» — это «занятие фермера» (Толковый словарь Ушакова, 2008), «ведение хозяйства на ферме» (Словарь иностранных слов русского языка, 2012), «фермерская система хозяйства» (Энциклопедический словарь, 2002), «пребывание в должности фермера» (Толковый словарь Ефремовой, 2006).

В просмотренных словарях не найдено примеров определения фермерства посредством интегральной словоформы, отвечающей канонам научного понятия, — быть выраженным с помощью цельной лексемы. Однако будучи даже поверхностно знакомым с тезаурусом богини плодородия Деметры, давно усвоенным в корпусе русского языка, резонно определять «фермерство» лаконичней, проще и привычней для слуха — как «земледелие», «хлебопашество», «хлеборобство». Как «крестьянство». Есть же старинный глагол «крестьянствовать», то есть «заниматься земледелием, крестьянским трудом» (Толковый словарь Ушакова, 2008); «пахать, заниматься крестьянством» (Словарь Даля).

Спустившись на глубокие горизонты языка, мы видим архаический, но легко распознаваемый лингвостилистический пейзаж: «тяжание». Так обозначается в церковно-славянском языке «земледелие», «крестьянство», «землепашество». Эта лексема втянула в себя значимые событийные сгущения. «Тяжание» «рифмуется» с «послушанием» как добродетелью христианина («крестьянина»). В «тяжании» слышится и «труд», и «трудность», и «тяжесть труда». В «тяжании» человек библейски приговорен к неотменимому его «тяготе» — «в поте лица твоего...» (Быт 3:19). Это существенное рисует процессуальность хлебопашества как безотдышного физического усилия: крестьянин знай себе тянет по земле инструмент выживания — орало, соху, борону, волокушу.

3. Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

4. Источник определений: Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/dictionaries> (дата обращения: 24.07.2021).

Но если бы только земля, пашня, жатвина! Если бы только эта крестьянская бегодня! Войдя в сельскую общину, заглянув в крестьянский двор, мы видим, что в «тяжании» запрятан важный организационно-управленческий, политико-экономический, а также фискальный смысл. Последний штучно схвачен в языке — существительное «тяжание», посредством чередования согласных в корне, преобразуется в отглагольную форму «тягло». Оттолкнувшись от свойственной русской речи наглядности («тяглый скот», «работать на двух тяглах»), «тягло» перелетает в деловую речь, закрепляя систему отношений крестьянского двора с общиной и государством. «Тяглом» именовались денежные и натуральные повинности крестьян. «Тяглом» обозначалась и крестьянская семья, и количество трудоспособных в семье как единице при разверстке барщины и оброка. Тягло — это и сама крепостная повинность, налагаемая на такую единицу. Тягло — это и представление о земельной оснащённости, а также о «производственной мощности» конкретного двора. Крестьяне оценивали хозяйственную полезность каждого участка в условных единицах, «тяглах», — сколько «тягл» находилось в распоряжении хозяйства, столько же пропорциональных долей оно и должно было вносить в общую сумму поземельных налогов, уплачиваемых сельской общиной⁵. И весь этот многовековой крестьянский жизненный пейзаж, это вечное «тяжание» запечатлевалось в работе миллионов человеческих рук, вооруженных элементарным орудийным набором, первые образцы которого (плуг, цеп, серп, коса) возникли еще в эпоху неолита.

Технический прогресс убирает из сельскохозяйственных технологий мизансцены тяжелого ручного труда. Это отражается и в языковых форматах. Старозаветное «тяжание» сменилось щадящим «крестьянствованием». Возникли описательные формулы, усредняющие аграрные и индустриальные практики, придающие управленческо-распорядительным речам солидность и весомость — «сельхозработы», «сельские занятия», «сельский труд», «аграрная занятость», «аграрная сфера», «агросистема».

Однако именно «фермерство» прочно вошло в ряд русскоязычных дискурсивных форматов — экономических, политических, хозяйственных, юридических, социальных, демографических, статистических, вплоть до разговорно-бытовых. Заимствованное из англоязычного словаря, это понятие укоренилось и удостоверно безусловно «нововведенческую» устремленность нынешних форм сельского хозяйства. Последние также начали именоваться по-новому — «агробизнесом». «Фермерство» — прощальная отмашка «двору», знак «отречения» от тягот «крестьянствования», не говоря уж о каторжности «тяжания». Но вовсе расстаться

5. Подробнее о термине «тягло» см. статью в Википедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%8F%D0%B3%D0%BB%D0%BE> (дата обращения: 09.08.2021).

с «крестьянством» не удается. Лексически выставляемое за ворота, оно то и дело заглядывает в разные щели и окошки, в том числе законодательные. Результат обнадеживает.

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное фермерство: сигналы новизны

Правовое предощущение поколенческого сдвига

О предчаянии перемен свидетельствует не лишняя курьезности формула организационно-юридического закрепления института «фермерства». 1990 год, гремит перестройка, стартуют экономические реформы, открыты валютные обменники. Общее настроение — «время, вперед!». Вчерашний день тускнеет, но его тяга могуча. Сознание законодателей претерпевает состояние некой раздвоенности, бинарной детерминации — советским прошлым и не вполне ясным будущим. Результат — заглавие Федерального закона № 348-1 от 22.11.1990 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Лексема «фермерское» застенчиво взята в скобки. То же самое наблюдается и в последней редакции закона № 74-ФЗ, принятого в мае 2003 года. Зачем потребовался законодателям такой лексический «дуэт»? Для балансировки политических позиций и социальных времен. Форма названия выдает нутро мировоззрения. Требующее отсылочно-разъясняющих скобок представление о фермерстве говорит о двух — если и не воюющих, то оппонирующих друг другу — взглядах на предмет закона. Это и признание основательности института крестьянства, уважительное отношение к его тысячелетним хозяйственно-экономическим традициям, и растущее понимание пока что извинительного, но все же явного анахронизма традиционных сельских миров. А в целом — это предощущение модернизированных форм аграрного хозяйствования, сберегающих, разумеется, фонд жизненных традиций крестьянства, но все-таки решительно идущих по пути рациональных, рыночно ориентированных действий, уже не вполне откликающихся на устаревающие «крестьянские» имена. Уже сам заголовок Федерального закона № 74-ФЗ выступает как своеобразный «лифт» в будущие порядки аграрной подсистемы общества. Как работает этот идеологический, организационный и социально-культурный «подъемник»?

Отечественное фермерство началось как заведомо современная хозяйственная и социально-экономическая институция, как зона инновационной активности, как модная тема публицистики, увлеченной возможностью говорить о сельских проблемах иначе, чем в дежурном жанре «Вести с полей». «Фермерство» — как формула, как «заморское» имя — принесло с собой в мир особое, для того времени необычное, широко разлитое в тогдашнем общественном сознании и медиапространстве настроение. Начав свою легализованную организаторскую и пропагандистскую работу, фермерское настроение стало во многом определять состав динамично меняющегося сельского мира, начало понемногу, но с настойчивым упор-

ством обводить акцентирующими контурными линиями его новую «сложенность» и «слаженность»⁶.

С той поры миновало тридцать лет. Календарное время стало *временем поколения*. На смену фермерскому «разведотряду» пришли и развернули хозяйственно-экономическую и социальную активность представители следующего поколения («посткрестьяне», «новые фермеры», «новые поселяне»). Высветилась иная, не дробная, размерность сущего. Количество земледельческих сезонов, отработанных людьми деревни, день за днем пропущенных сквозь животворную стихию хозяйственно-экономических практик сельчан, перешло в качество, закономерно упаковалось в некое социально-экономическое единство. Набранная поколенческая высота придает этой картине обозреваемую панорамность. Выделим лишь два момента.

Первый, «счетный», количественный. Всероссийская сельскохозяйственная перепись (ВСХП) 2016 года зафиксировала сокращение крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) почти на 46,0% по сравнению с 2006 годом (до 136,7 тыс.). Однако количество индивидуальных предпринимателей (ИП) за этот же период выросло на 19,1% (до 38,1 тыс.)⁷. Почему произошло падение количества КФХ? Во-первых, со «сцены» ушли фиктивные фермерские хозяйства, которые фактически не занимались производством, а держали землю «на потом» или сдавали ее в аренду. Ужесточение земельного и налогового законодательства вынудило их свернуть эту деятельность. Во-вторых, налицо весьма запутанная система регистрации фермерских хозяйств, которые статистически «размываются» по иным категориям сельхозпроизводителей, усугубляя картину сокращения численности КФХ.

За «послепереписные» пять лет произошло еще большее сокращение КФХ. В очередной ВСХП осени 2021 года планируется охватить всего 144,9 тыс. КФХ и ИП, а это меньше показателя 2016 года на 29,9 тыс. Спрашивается, это плохо? Как посмотреть. Новейшие данные Росстата по производственным показателям говорят, что КФХ и ИП не только не сбавили свое производство со времени последней переписи, но значительно увеличили его, а по ряду культур даже превысили показатели сельхозорганизаций. Так, по данным Росстата, удельный вес валовых сборов КФХ и ИП востребованных сельскохозяйственных культур (зерновые и зернобобовые, лен-долгунец, семена подсолнечника, картофель, овощи) в 2020 году составил 30% от удельного веса таких сборов по хозяйствам всех категорий. Причем удельный вес валовых сборов, рассчитанный как суммарный показатель по таким категориям хозяйств, как малые

6. Подробнее о «сельском мире» как форме человеческого присутствия на земле см. в статьях В. Г. Виноградского (Виноградский, 2018, 2019).

7. Источник: URL: <https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/agropromyishlenniy-sektor/kopiya-podderzhka-selskogo-khozyaystva-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 28.08.2021).

сельхозпредприятия (фактически те же КФХ), собственно КФХ и ИП, по указанным сельскохозяйственным культурам в рассматриваемом году составил почти 60% от таких сборов по хозяйствам всех категорий, превышая подобный показатель по крупным и средним сельскохозяйственным организациям более чем в 1,5 раза. Подобного рода перемены акцентов не в последнюю очередь порождены, как мы полагаем, именно поколенческими сдвигами.

Второй момент, «кавалитативный», чувствительный. Экономический социолог отмечает: «При впечатляющем росте доли фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве ожидания начала 1990-х о превращении “фермерского класса” в главного кормильца страны не оправдались. Фермерство не стало, да и не могло стать серьезной альтернативой крупным сельхозпредприятиям и особенно агрохолдингам» (Фадеева, 2018: 144). Эта в целом справедливая оценка существенно уточняется, если прильнуть к земле. Вот «голоса снизу». Говорит специалист департамента агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды Белгородской области.

«Фермер по определению не может накормить страну. Точка! Фермеры — это вроде как структурные подразделения крупных холдингов. Они в целом движутся в русле единой финансово-производственной политики холдинга. Пусть они и мелкие, но для них шаг влево, шаг вправо равнозначен побегу. Побегу из большой системы. И только эта система может накормить такую страну, как наша. Есть, конечно, и беглецы. Их у нас мало, наперечет. Я могу назвать несколько таких. Тут особый случай. Досьета накормит страну способен холдинг. А вот угостить человека, потчевать его вполне способен вот такой фермер-беглец. Они уже торгуют на рынке. И к ним, я вижу, очереди стоят...»

Обобщающее наблюдение чиновника подтверждается и нашим экспедиционным опытом.

А теперь фрагмент интервью с владелицей фермы органических продуктов (хутор Савенки, июнь 2021 г.):

«— В чем основное преимущество фермерства перед холдингами?»

— Фермерство сохраняет аутентичность пищевого вещества природы. Вот что главное. Наша продукция максимально специфична. Она природоподобна. В условиях холдинга этого эффекта достичь просто невозможно. Это все равно как заводская столовая, где борщ готовят на пять тысяч человек. Эксклюзивность и качество продукта возможны, строго говоря, лишь в малом, фермерском хозяйстве. В агрохолдинге эта ситуация невозможна и нелегальна...

— А почему?»

— Они это сделать просто не смогут. В агрохолдинге эксклюзивную продукцию просто невозможно производить, в агрохолдинге главенствует экономика. Просто разные ценностные приоритеты у фермеров и холдингов. У холдинга на первом месте исключительно экономика. Люди должны получать хорошую зарплату, хозяин заинтересован в максимальной прибыли. А в маленьком фер-

мерском хозяйстве человек получает удовольствие от того, что он каждодневно возится с природой. Это чувство передается и самой фермерской продукции. Это все равно как еду готовит любимая женщина или чужая повариха. Из продуктов уходит некая эфирная субстанция. И все это, как я вижу, доходит до сознания покупателя. Да вы посмотрите на домашние соленья. И на них же, но изготовленных в цеху. И запах, и вид совершенно разные...»

Вряд ли нужно подробно комментировать эту «новофермерскую» позицию. Иной язык, свежие ориентиры, неподдельный кураж.

Что видно в поколенческой проекции?

Поколенческая высота порождает систему исследовательских координат, сглаживающих рябь фактов. Ей присуща аналитическая энергетика, способная переставлять вещи мира в ином конstellационном порядке. Картина меняется. Известная афористическая формула Теодора Шанина «Иное всегда дано» указывает на необходимость удержания в познании представлений о темпах и формах социального времени, отвердевающего в пространстве существования. Именно поколенческий взгляд дает почувствовать и аналитически освоить укрупненные параметры социального бытия, высветив главное и уведя в тень случайное и опрометчивое.

Так что же видно? То, что ранний, захваченный возможностями начала 1990-х, «труженик села», вчерашний колхозник и, с другой стороны, современный, начала 2020-х, искушенный пробными практиками отцов, а также собственным хозяйственным и торговосбытовым опытом, фермер — это различные, один другому «иные» человеческие образцы. Сегодня они физически сосуществуют, наблюдают друг друга, пошучивая либо горячась. Но смена этих разных поколений уже неотвратима.

Такая поколенческая событийность именуется исследователями как время «посткрестьян» (см. разработки историка В. В. Бабашкина, социолога И. П. Басалаевой и др.), как пора «новых крестьян России» (исследовательские проекты этнографа О. Ю. Артемовой). Этот познавательно-аналитический пейзаж возник как реакция на открывшийся взору поколенческий сдвиг. В отечественной социологической науке последних лет, посвященной сельской проблематике, усилиями ряда специалистов создана активная зона интеллектуальных интересов и перспективных замыслов (Бабинцев, Ечин, 2001; Бражник, Шевченко, 2014; Великий, 2016; Дементьев, 2014; Евдокимова, 2016; Калугина, Фадеева, 2009; Кученкова, 2016).

Однако в массовом социологическом дискурсе проблематика перспектив эволюции сельского социума не занимает пока заметного места. Мало внимания уделяется пониманию процессов эволюции сельских миров, редко интересуются экзистенциальным самочувствием нынешних «посткрестьян» и «новых поселян», которые, судя по бег-

лым наблюдениям, способны к производству новых, «иных» форм социальных и культурных практик. Последние отличаются своей многонацеленностью: эпизоды нарочитой архаизации хозяйственно-экономических и бытовых жизненных практик соседствуют с поистине «новоренессансными», порой курьезными пробами, опирающимися на затейливый культурно-исторический кругозор «новых поселян».

При этом целым рядом авторов отмечается некий парадокс: данные государственной статистики России говорят о том, что суммарное количество сельского населения постепенно растёт, в то время как численность занятых в аграрной сфере экономики продолжает сокращаться. В ряде регионов имеет место накачивание урбанизационных векторов и тенденций с параллельным ростом сельской безработицы. Перекраивается картина принадлежности продуктивных земель: их площади переходят в агрохолдинги и концентрируются в них. Владельцы этих аграрных монстров активно выкупают за внушительные для деревни суммы земельные паи сельчан. Лучшие участки земель буквально выдергиваются на правах аренды индивидуальных паёв из многогектарных владений бывших хозяйственных институций (колхозов, совхозов, племенных хозяйств).

Что же касается мелких частных крестьянских образований (а по сути — слегка модернизированных крестьянских семейных дворов), то они вместе с землей присоединяются к более крупным аграрным производственным структурам. А их хозяева, принудительно поставленные в ситуацию, в которой они вынуждены существенно понизить свой социально-экономический статус и утратить внутриселенческий авторитет, становятся наёмной рабочей силой. И это если, что называется, «повезет по жизни». В худшем случае они систематически пополняют деревенский прекариат. Отсюда нередки эксцессы пьянства, соседских ссор, мелкого воровства, изнурительных вахтовых работ, бесцеремонно разрушающих исправно функционирующие прежде семейные организмы. Такие жизненные обстоятельства ведут к мучительному раздвоению личности. Человек, пытаясь как-то наладить или поменять механику своей ежедневной жизни, рвет семейные обязательства, покидает деревню и, как правило, минуя райцентр, где он известен не хуже, чем дома, устраивается в областном городе, соглашаясь на низкооплачиваемую и непрестижную работу (дворники, охранники, работники коммунальных служб, грузчики на предприятиях ритейла и т.п.).

На глазах происходит и социально-пространственное опустошение, примитивизация сельской жизненной среды. Ее покидают скромные по масштабу, но десятилетиями выполнявшие свои задачи институции, ответственные за образовательные, культурные, медицинские услуги. Заметно обескровились, исчезли сети былой, хоть и редкой, но все же до поры исправно действующей транспортной системы, в результате чего обезлюдели прежде обжитые, посещаемые городской роднёй и систематически обихаживаемые (ремонт жилья, поддержка в порядке огородов, садов, ягодников)

уголки сельских пространств. И это только самые заметные, бросающиеся в глаза моменты «упрощения» сельских территорий.

Так, одно из крупных поволжских сёл, в которых авторам довелось в 1990–1994 годах работать полевыми социологами в крестьяноведческом проекте Теодора Шанина, за прошедшее с той поры время (поколенческая ступень) потеряло: 1) одну водяную мельницу, 2) четыре животноводческих фермы, 3) ремонтные мастерские сельхозтехники, тракторов и комбайнов, 4) великолепную по качеству хлеба пекарню, 5) низовое отделение районной лесоохранной службы, 6) лесопилку, 7) кирпичный завод, 8) 60-гектарный фруктовый сад, 9) старшие классы в местной школе, 10) отделение почты, 11) отделение сбербанка, 12) столовую, 13) магазин промтоваров, 14) книжную лавку, 15) службу пожарной охраны. С начала 2000-х годов отменено регулярное автобусное сообщение этой придорожной деревни как с районным центром, так и с обширным кустом окрестных сел, деревень и хуторов.

Контуры нового поколенческого мира

Справедливости ради нужно отметить, что данная ситуация начинает в последнее время подвергаться интенсивному и умелому ремонту в ряде регионов. Самые заметные социально-пространственные изменения выражаются в том, что такие места уже начали осваиваться так называемыми «одинокими фермерами» — людьми состоятельными, как правило, выходцами из города, работающими «на удаленке» и желающими решительно обновить свои житейские судьбы. Роль такого «фермерства» в повседневной жизни села пока что подробно не изучена, однако его присутствие в деревенском жизненном пространстве стало ощутимо в ряде регионов. Разумеется, официальная статистика имеет основания пока что пренебречь учетом такой и подобных ей социальных групп. Но ее реальное появление сигнализирует о начавшемся очередном поколенческом сдвиге, результаты которого вполне проявятся спустя очередные тридцать лет.

Можно с определенным основанием утверждать, что социально-экономическая ситуация, складывающаяся в последние годы в сфере активного хозяйствования на земле, включая разнообразные организационные формы последнего (агрохолдинги, крупные и мелкие сельхозпроизводители, микромасштабные ЛПХ сельских обывателей), — эта ситуация начинает постепенно претерпевать ряд эволюционных изменений, сущность и формы которых заслуживают специальных исследовательских усилий, связанных с координацией работы социологов в различных регионах сельской России.

Но если сузить это обширное исследовательское поле до обозреваемых масштабов, доступных для системного (не только обзорно-аналитического, но и экспедиционного «включения» в сельские миры) изучения, то весьма целесообразным может стать сосредото-

точение на вопросах, в архитектуре которых заметны тенденции суммирования, накопления, интегрирования опытов хозяйственно-экономического, а также социально-культурного существования в отдельных сегментах отечественного *фермерского сообщества*.

Именно в такой исследовательской проекции становится заметным некое фундаментальное обстоятельство. Его традиционно принятое лексическое обозначение в некотором роде призрачно, эфемерно. Оно даже маргинально в тезаурусе академической науки. Но именно это обстоятельство — если по достоинству оценить не потерявший своей актуальности творческий и гражданский настрой так называемых писателей-деревенщиков (Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова), сумевших в подробностях воспроизвести в своих текстах полнокровный, живой, дышащий «сельский мир», — это обстоятельство продолжает иметь место и сохранять свою бытийную мощь, свою гравитационную силу.

«Зов земли» — таково его фигуральное, «не-понятийное» обозначение. Ну и пусть — даже в индустриальном, «расколотом» мире смутные влечения живой человеческой души сохраняют в себе неотъемлемую модальность первичной телесности человека и надстроеного над ней душевного мира. Этот влекущий голос вечен, хотя воплощается на каждой исторической ступени аграрных хозяйственно-экономических и социальных практик в разнообразных влечениях и порывах.

Именно современный фермер, за плечами которого в исторической дымке кроется деревенский народ — хозяева крестьянского двора, умелые землепашцы, пресловутые «кулаки», да даже и недавние колхозные бригадиры (рассказами о мастерстве и преданности земле которых наполнены семейные истории, записанные в экспедиции Т. Шанина (Рефлексивное, 2002)), — именно современный фермер в лице лучших представителей занят сегодня подлинным освоением земли. Именно он способен отчетливо слышать этот самый «зов земли». И в этой его незаурядности одно из коренных отличий от ведущего настроения топ-менеджеров отечественных агрохолдингов, начальственно присвоивших и нещадно топчущих землю ради роста прибылей. Принципиальная разница между изначальной органикой крестьянско-фермерского «зова земли»⁸ и бесстрастным механицизмом эпохи «Machenschaft» (М. Хайдеггер) понята русским философом: «Только умение обращаться с землей как родом, по сути дела, стоит в основе прав отдельных землевладельцев и объединяет их. <...> Освоение земли отличается от присвоения и его единственно оправдывает. <...> Освоить землю по-настоящему может толь-

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное фермерство: сигналы новизны

8. В рассказе «Много ли человеку земли нужно» Л. Н. Толстой говорит о хозяйственной крестьянской прицеленности Пахома, об азарте владения годными для разных аграрных действий земельными участками. «Прошел еще и по этой стороне много, хотел уж загигать влево, да глядь — лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думает: “Лен тут хорош уродится”» (Толстой, 1963: 395).

ко тот, кто сделал ее *своей* не в смысле нотариального закрепления, а так, как врастает в землю крестьянин, “отсталость” которого терпеливо ждет своего будущего» (Бибихин, 2012: 154).

Интуитивное предощущение и анализ фермерского «будущего», его «удостоверяющее усмотрение» (Хайдеггер) должны быть заложены и в исходный замысел, и в полевые процедуры. К счастью, работа начинается не на пустом месте. Ряд исследовательских опытов сельских социологов демонстрирует, какое значение современный фермер придает таким социально-экономическим материям, как «отношение к земле». Изучая менталитет российских фермеров, социолог И. В. Логунова фиксирует аналогичный (по смыслу и по языковой форме) с приведенным выше («зов земли») индикатор социально-хозяйственного настроения — «желание земли». «Фермеров характеризует такая черта, как “желание земли” — желание трудиться на земле и владеть ею. Фермер Чернухин, создавший первое в Лебедянском районе Липецкой области фермерское хозяйство, пояснял: “Хочу быть господином на своей земле. И чтобы никто не мешал”» (Логунова, 2013: 127). Автор считает, что фермерам изначально свойственно «развитое “чувство хозяина”, тяготение к свободе и самостоятельному ведению хозяйства» и цитирует нарративы: «Липецкий фермер М. П. Неплюев: “Эх, не завидую я колхозникам, которые нынче вывеску заменили. Командуют ими по-прежнему, трудом их распоряжаются. Разве почувствовали они себя хозяевами, несмотря на все реформы? Мне, по крайней мере, не приходится разрываться на части между колхозом и подворьем. Винить в неудачах могу только себя”. Ему вторит фермер из Воронежской области А. Авдеев: “Я ушел из колхоза, чтобы получить свободу, независимость, не опуститься”. Проявляя стремление к независимости, сами фермеры строго подходили к оценке имевшихся у них личностных качеств, приемлемых для единоличного ведения хозяйства. По данным опроса фермерских хозяйств Жердевского района Тамбовской области, проведенного в 1993 году, 60% опрошенных полагали, что “самостоятельно вести фермерское хозяйство способны единицы”» (Там же).

Это исследование было выполнено «на старте» отечественного фермерства, в пределах короткой, не более десяти лет, дистанции от начала фермерского движения. Тем более интересным будет анализ феноменологических трансформаций этих личностных, сопряженных с рядом социальных качеств уже на новой поколенческой ступени фермерского сообщества.

Заключение

Мы опираемся на тридцатилетний опыт фермерского существования — технологического, организационно-правового и хозяйственно-экономического. В данной исследовательской проекции важен экзистенциальный фермерский «основострой» повседневных жиз-

ненных практик. Их формирующееся социальное, этическое и культурно-эстетическое самоощущение. Оно возникло как человеческая реакция на деконструкцию сельского мира эпохи колхоза, где настроение согласия вытекало не из общинной памяти односельчан, а задавалось сконструированной политико-экономической «равновесностью», «винтикообразностью» сельских работников перед лицом властей. Представление о подобном равенстве, автоморфизме было в свое время сформулировано В. И. Лениным, который с мечтательной повелительностью заявил: «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» (Ленин, 1974: 208). Рубежные десятилетия XX и XXI столетий стали временем, когда из рассыпающихся «колхозных батальонов» возникли самостоятельные хозяева, с таким же инновационным упованием названные по-иноземному «фермерами». Они часто не похожи друг на друга по хозяйственным тактикам, привычкам и выполняемым ролям. Каждого из них уже вряд ли можно безболезненно загнать в какие бы то ни было типовые, усредняющие и обезличивающие ячейки.

Располагая объемистым массивом профессиональных знаний, технологических умений, коммуникативных навыков и организационных возможностей, научившись всей этой мастеровитости, вобравшей в себя многочисленные попытки и опыты, фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал преобладающих и уже прошедших апробацию перемен, который уже не может не создать ансамбль различных, в том числе и весьма перспективных, детерминированных будущим форм жизни на земле и землей. Они поистине многообещающи и порой загадочны. Фермерство в его новой поколенческой инкарнации заслуживает неторопливого и зоркого наблюдения.

Библиография

- Бабинцев В. П., Ечин Н. М. (2001). Ценностный мир современного российского крестьянства // Крестьянство в исторической судьбе России / Науч. ред. В. П. Агафонов. М.: Изд-во МСХА. С. 537–545.
- Бибихин В. В. (2012). Собственность. Философия своего. СПб.: Наука.
- Бражник Г. В., Шевченко Н. В. (2014). Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. Вып. 28. № 9 (180). С. 60–65.
- Великий П. П. (2016). Стойкость российского села: настоящее и будущее // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж. Т. Тощенко; редактор-составитель Д. Г. Цыбикова. М.: РГГУ. С. 127–133.
- Виноградский В. Г. (2012). Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ.
- Виноградский В. Г. (2018). Сельский мир как познавательная проекция // Новый мир. № 7. С. 167–175.
- Виноградский В. Г. (2019). Сельские миры: опыт социологической реконструкции // Социологические исследования. № 5. С. 3–13.
- Дементьев И. А. (2014). Радиус доверия сельского населения Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 2. С. 26–31.

- Евдокимова Т. Г. (2016). Ценности и ценностные ориентации сельского населения России: прошлое и настоящее // *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)* / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М. С. 146–166.
- Калугина З. И., Фадеева О. П. (2009). *Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Кученкова А. В. (2016). Взаимопомощь как основа неформальных экономических отношений в жизни сельчан // *Социология жизни: теоретические основания и социальные практики* / Под общ. ред. Ж. Т. Тощенко; редактор-составитель Д. Г. Цыбилова. М.: РГГУ. С. 158–163.
- Ленин В. И. (1974). *Очередные задачи советской власти* // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. Т. 36.
- Логунова И. В. (2013). Особенности становления менталитета российских фермеров (на материалах Центрального Черноземья) // *Проблемы развития территории*. № 3 (65). С. 124–129.
- Рефлексивное крестьяноведение (2002): Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Фадеева О. П. (2018). Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра // *Крестьяноведение*. Т. 3. № 1. С. 141–173.
- Толстой Л. Н. (1963). Много ли человеку земли нужно // *Собрание сочинений в двадцати томах*. М.: Государственное издательство художественной литературы. Т. 10. С. 384–396.

Farming and the rural world: A generational change

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Leading Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Olga Ya. Vinogradskaya, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Abstract. The authors systematize the types of circumstances which explain the objective change in rural (in particular farmer) generations of new Russia. Farming is considered in the double linguistic perspective — as a general definition and as a name of agrarian economic practices in their historical evolution. The authors examine the specific form of the legislative consolidation of the concept of farming, which directly indicates its transitive social-cultural mission; analytically assess the potential of the generational approach to the study of farming; suggest some key features of the new farming world and the ways of life which the next generation of farmers would choose. The authors conclude that the existing farming 'society' has accumulated a potential of changes which have already passed the initial approbation and can ensure the development of various, including very promising, activity models, forms and patterns for the future.

Key words: farming, generational approach, generation, peasant economy, farmer, rural world, rural areas, everyday life practices

References

- Babintsev V. P., Echin N. M. (2001) *Cennostnyj mir sovremennoego rossijskogo krest'yanstva* [The value world of the modern Russian peasantry]. *Krest'yanstvo v istoricheskoy*

- sud'be Rossii* [The peasantry in the historical fate of Russia] Scientific. ed. V. P. Agafonov, Moscow: Publishing house of Moscow Agricultural Academy, pp. 537–545.
- Bibikhin V. V. (2012) *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of one's own], Saint-Peterburg: Science.
- Brazhnik G. V., Shevchenko N. V. (2014) Faktory riska pri formirovanii social'nogo kapitala na sele [Risk factors in the formation of social capital in the countryside] *Scientific statements. Philosophy Series. Sociology. Right*, vol. 28, no 9 (180), pp. 60–65.
- Velikiy P. P. (2016) Stojkost' rossijskogo sela: nastoyashchee i budushchee [The Resilience of the Russian Village: Present and Future] *Sociologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i social'nye praktiki* [Sociology of Life: Theoretical Foundations and Social Practices] Ed. ed. Zh. T. Toshchenko; editor-compiler D. G. Tsybikova, Moscow: RGGU, pp. 127–133.
- Vinogradsky V. G. (2012) *Protokoly kolhoznoj epohi* [Protocols of the collective farm era], Saratov: Publishing house Sarat, Institute RGTEU.
- Vinogradsky V. G. (2018) Sel'skij mir kak poznavatel'naya proekciya [The rural world as a cognitive projection]. *Novyj mir*, no 7, pp. 167–175.
- Vinogradsky V. G. (2019) Sel'skie miry: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii [Rural Worlds: Experience of Sociological Reconstruction]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 3–13.
- Demytyev I. A. (2014) Radius doveriya sel'skogo naseleniya Arhangel'skoj oblasti [Radius of trust of the rural population of the Arkhangelsk region]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki»*, no 2, pp. 26–31.
- Evdokimova T. G. (2016) Cennosti i cennostnye orientacii sel'skogo naseleniya Rossii: proshloe i nastoyashchee [Values and value orientations of the rural population of Russia: past and present]. *Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustya (konec 1980-h — seredina 2010-h gg.)* [The life world of Russians: 25 years later (late 1980-s-mid 2010-s)]. Ed. Zh. T. Toshchenko, Moscow: TsSP and M., pp. 146–166.
- Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. (2009) *Rossijskaya derevnya v labirinte reform: sociologicheskie zarisovki* [Russian village in the labyrinth of reforms: sociological sketches], Novosibirsk: IEIE SB RAS.
- Kuchenkova A. V. (2016) Vzaimopomoshch' kak osnova neformal'nyh ekonomicheskikh otnoshenij v zhizni sel'chan [Mutual assistance as the basis of informal economic relations in the life of villagers] *Sociologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i social'nye praktiki* [Sociology of life: theoretical foundations and social practices]. Ed. ed. Zh. T. Toshchenko; editor-compiler D. G. Tsybikova, Moscow: RGGU, pp. 158–163.
- Lenin V. I. (1974) Ocherednye zadachi sovetskoj vlasti [The next tasks of the Soviet government] *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], Moscow: Publishing house of political literature, vol. 36.
- Logunova I. V. (2013) Osobennosti stanovleniya mentaliteta rossijskikh fermerov (na materialah Central'nogo Chernozem'ya) [Features of the formation of the mentality of Russian farmers (based on the materials of the Central Black Earth Region)]. *Problemy razvitiya territorii*, no 3 (65), pp. 124–129.
- Refleksivnoe krest'yanovedenie* (2002): *Desyatiletie issledovanij sel'skoj Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia] Ed. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov, Moscow: MVSHSEN, «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN).
- Fadeeva O. P. (2018) SHtrih k fermerskomu proektu: altajskaya palitra [Traits for a farm project: Altai palette]. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 1, pp. 141–173.
- Tolstoy L. N. (1963) Mnogo li cheloveku zemli nuzhno [How Much Land Does a Man Need] *Sobranie sochinenij v dvadcati tomah* [Collected Works in twenty volumes], Moscow: State Publishing House of Fiction, vol. 10, pp. 384–396.

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное фермерство: сигналы новизны